

**Ибрагим
ДЖАБИРОВ**

г. Грозный

Невская Эбридика

рассказ

*В том краю тишина бездыханна,
Только в гуще сплетённых ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.*
А.Блок. «Посвящение А. Вьялцевой»

Служба Тапы Орцуевича Чермоева в собственном Его Императорского Величества конвое шла своим чередом, карьерному росту ничего не мешало, и Петербург уже стал для него таким же родным и близким, как Грозный и Владикавказ.

В семье сестры Селимы тоже всё складывалось как нельзя хорошо. Её мужа – генерала Эрисхана Алиева, доблестного и перспективного военачальника, увенчанного лаврами героя Русско-Японской войны, по высочайшему приказу оставили на Дальнем Востоке, вначале – командующим артиллерией VII Армейского корпуса, а затем в должности генерал-губернатора Приамурья с исполнением обязанностей начальника всех сухопутных и морских войск, дислоцированных в Николаевском укрепрайоне, крепости де-Кастри и во всех населенных местах по реке Амур от его устья до Мариинска включительно на правах командующего корпусом.

Эксан, старший из племянников Тапы, окончив Михайловское артиллерийское училище по первому разряду и успев повоевать на Дальнем Востоке, заканчивал предпоследний курс Николаевской академии Генерального штаба.

Младший Эглар поступил в Военно-инженерное училище, как и намечал раньше, и в учебных успехах старался не отставать от старшего брата.

В первые годы службы молодой офицер-конвонец с головой окунулся в полную приключений и соблазнов жизнь петербургских лейб-гвардейцев, но при каждом удобном случае он не забывал хотя бы на минутку заскочить в родной алиевский дом, в котором он был теперь в отсутствие Эрисхана Султановича и попечителем, и главой.

В большинстве своём в семействах наибольший контакт бывает между людьми, близкими по возрасту. Так и складывались отношения между Эксаном и Тапой, ведь племянник был по возрасту младше своего дяди всего лишь на один год. Хотя у чеченцев между родственниками бывает множество щепетильных нюансов поведе-

ния, которые приходится соблюдать, но это не мешало им быть и хорошими друзьями, и единомышленниками и вместе участвовать во многих затеях и приключениях. К тому же с первых дней пребывания в Петербурге Эксан стал его незамеченным лощманом в этом огромном городе.

Родившийся и выросший в Петербурге, племянник знал здесь каждый дом, улицу и все достопримечательности Северной столицы. Мог рассказывать часами о её архитектуре, многочисленных памятниках, напоминающих о знаменитых персонажах или событиях российской и мировой истории.

Приезжавшие с Кавказа знакомые и даже родственники воспринимали его имя с каким-то недоумением — такого не существовало там ни у одного народа. На самом деле при рождении Султан-Гирей, его дед, нарёк его Ихсаном, но здесь, в инородной славянской среде, это имя воспринималось на свой лад — как чей-то сан. Поэтому в метрической записи и других документах по настоянию чиновников оно было трансформировано в легкопроизносимое «Эксан». Родители, взвесив все за и против, особо не стали упорствовать. Так он и стал Эксаном.

Очередной отпуск поручика Чермоева в 1907 году выпал на середину лета, но на этот раз он решил не делить его между Чечнёй и Осетией, а остаться в Петербурге. Получив отпускное предписание, он вернулся к себе на квартиру, наскоро позавтракал и решил поехать к Алиевым сообщить им о своём решении и заодно подумать с Эксаном о том, где бы интереснее провести первый день отпуска, ну и заодно вдали от глаз сестры Селимы отметить это событие бокальчиком шампанского.

«Только бы Эксан оказался дома, — думал он, подъезжая к алиевскому дому, — воскресенье ведь. Может, не ринется хоть сегодня в библиотеку?»

Поставив перед собой цель — окончить Академию Генерального штаба непременно по первому разряду — старший сын генерала Алиева буквально стал отшельником, дни и ночи проводя за учебниками, оперативными картами и военными справочниками.

К великой своей радости, родственного друга Тапа застал дома. Когда он неслышно прошёл в гостиную, тот лежал на диване и был всецело

поглощён чтением какой-то статьи из «Петербургской газеты». Поручик молча на цыпочках придвинулся сзади и взглянул на название статьи. В верхнем левом углу каллиграфическим шрифтом с завитушками был выведен броский заголовок «Триумф «Несравненной»». В середине статьи красовался оригинальный снимок знаменитой петербургской прима-звезды певицы Анастасии Вальцевой.

— Уж не влюбился ли мой племянник в любимицу публики? — подал голос Тапа.

Эксан от неожиданности слегка вздрогнул, мигом соскочил с дивана и, густо покраснев, отбросил газету на журнальный столик, затем, спохватившись, по-кавказски обнял гостя. А Тапа упорно не отводил взгляд от газеты и, как догадался Эксан, ждал от него ответа. Парень снисходительно улыбнулся и с наигранным возмущением произнёс:

— Бог с тобой, дорогой дядюшка, она замужняя женщина... И тем не менее кто в неё только не влюблён!

— Вот так сюрприз! Как это — замужняя? Насколько мне известно, она абсолютно свободная женщина, — не соглашался Тапа, ничуть не сомневаясь в своей правоте.

Эксан с довольной улыбкой на лице произнёс:

— В этом убеждён весь Петербург, как и ты.

— Тогда я ничего не понимаю, — замялся Тапа. — Хотя мне не приходилось бывать на её концертах, но, как рассказывали мои однополчане, возле неё не замечено до сих пор ничьё хоть сколько-нибудь постоянное присутствие, чтоб можно было заподозрить в волокитстве.

— Конечно, она действительно не состоит в официальном браке, но у неё есть гражданский муж — капитан Бискупский Василий Викторович.

— Подожди-ка, подожди-ка, — оживился Тапа, — не тот ли это Бискупский, который за два года до моего поступления окончил с отличием нашу «Славную школу»? Он еще занесён на мраморную доску и выпущен в лейб-гвардии конный полк?

— Он самый и есть, — подтвердил Эксан.

— Откуда такая уверенность, ты разве знаешь его?

— Да, я лично знаком с Василием Викторовичем. Вместе воевали в Маньчжурии, вместе ле-

жали в госпитале в Харбине. Там я познакомил-ся и с этой замечательной женщиной.

— Она-то откуда взялась там? — удивился Тапа.

— Видишь ли, — продолжил Эксан, — Анастасии Дмитриевне долго удавалось скрывать и оберегать от чужих глаз всё, что касалось её любви к Бискупскому.

— Но зачем? — воскликнул Тапа.

Эксан грустно усмехнулся:

— Она не хотела портить военную карьеру любимому человеку. Он ведь знатный дворянин из древнего польского шляхетского рода, к тому же офицер лейб-гвардии. Красотой и талантом Анастасии Дмитриевны пленён весь Петербург, тем не менее её мешанское происхождение делает невозможным такой союз. Поэтому они все эти годы жили тайно как муж и жена. Однако обстоятельства вдруг сложились так, что эта тайна стала достоянием публики.

— Значит, где-то проявили неосторожность? — заметил Тапа.

— Причина была в другом, — продолжал Эксан, — с началом войны Бискупский перевелся во 2-й Дагестанский полк и отбыл на театр военных действий с Японией. В одном из боёв почти одновременно со мной он был ранен. Узнав об этом, Вальцева прервала концерты и не мешкая отправилась в Маньчжурию ухаживать за любимым. На свои деньги Анастасия Дмитриевна снарядила санитарный поезд и устроилась сестрой милосердия в полевом госпитале в Харбине. Выхаживала не только своего жениха, но и всех, кто был ранен вместе с ним, в том числе и меня. Вот такая вот штука, мой дорогой дядюшка!

Тапа молча взял со столика газету и стал внимательно всматриваться в снимок знаменитой певицы, но уже с нескрываемым интересом, предполагая много интересного и загадочного в её судьбе.

— Нравится? — спросил с еле скрываемой улыбкой Эксан.

— О чем ты спрашиваешь! Как может не нравиться такое классическое совершенство! — воскликнул Тапа.

— Ты бы хотел побывать на её концерте?

— «Хотел бы» не то слово! Жажду!

— Что ж, это можно устроить, — обрадовал его Эксан. — Ты тут поскучай немного без меня, я быстро побреюсь, оденусь. Мы с тобой заедем в

Мариинский театр, там у меня знакомый администратор, узнаем у него, где сегодня выступает наша примадонна. А пока почитай эту статью. Там найдёшь много интересного, и это пригодится на случай, если нам удастся пообщаться с ней.

С этими словами он направился в свою комнату.

— Ты думаешь, что будет возможность даже по-беседовать с ней? — бросил вдогонку Тапа.

— А почему бы и нет! — услышал он в ответ.

Оставшись наедине, Тапа с большим интересом принялся за чтение и действительно узнал много интересного о знаменитой певице.

Некоторые шероховатые подробности биографии можно было бы опустить, но, видимо, автору почему-то хотелось подчеркнуть, что её восхождение к невиданному успеху и популярности начиналось почти из самых низов. Сравнивая её с Венерой, рожденной из пены морской, любитель сенсаций прозрачно намекал на то, что мать Анастасии была простой прачкой. И чего только не прилепил к её изящным пальцам этот газетный эквилибрист: и помойное ведро, и половую тряпку, и тяжелые утюги.

Тут же отмечалось, что многие факты биографии Вальцевой остаются окутанными тайной и что её крестьянское происхождение сомнительно, так как бытует легенда, будто она и двое её братьев являются внебрачными детьми графа Орловского.

А дальше шла безрадостная хроника её пути к ослепительной славе. Поиски, пробы, ошибки, испытания, с которых начинала тринадцатилетняя талантливая девочка и которые дали блестящие результаты к 20 годам. Они оказались связанными с незаурядными личностями музыкальной культуры: Вельской, Ленчевским, Здановичем-Борейко, Холевым, Сонки, братьями Елисеевыми. Имела там место и непродолжительная учеба в Италии.

Чтобы читатель имел представление о той громадной масштабности концертной деятельности Вальцевой и ошеломительном успехе, автор проиллюстрировал это на небольшом примере из её выступлений в Москве. Вырисовывалась такая картина... Предчувствуя возможный ажиотаж, однажды перед одним из её концертов московский градоначальник велел стянуть полицию к залам, где будет выступать певица. В фойе и в зале

дежурили жандармы. После нескольких часов восторги неистовствующей публики достигли наивысшего накала. Когда Вяльцева стала спускаться с заваленной цветами сцены, молодёжь с галёрки, в основном студенты, бросилась по лестницам вниз вслед за певицей. Жандармы на всякий случай стали стеной между ею и толпой. Тогда рвавшаяся к своему кумиру молодёжь начала крушить мебель. Такое повторялось и в других местах. Дело дошло до того, что владельцы залов стали брать с организаторов концертов Анастасии залог за мебель. Далее автор отмечал, что никакой программы вечеров певица не готовила и исполняла все те песни из своего репертуара, которые просила публика.

Особенно тронуло Чермоева сообщение, сделанное газетой как бы между прочим, о благотворительной щедрости этой необыкновенной женщины.

«Значит, эта искренняя любовь сограждан к певице вызвана не только её красивой внешностью, изумительным голосом и безупречным вкусом, но и безмерной добротой и настоящим патриотизмом, — думал он. — Как её хватает и на материальное обеспечение экспедиции Седова к Северному полюсу, и на строительство приюта для рожениц в Алтухове, на полное восстановление двух сгоревших деревень в Виленской губернии, на крупные концерты в пользу голодающих студентов, на средства для стипендий одарённым студентам Петербургского университета?..»

Тем временем в гостиной появился весь сияющий и нарядный Эксан. Родственники не мешкая поехали в Мариинку узнавать, где концертирует Вяльцева. Оказалось, что в этот день у неё намечен благотворительный концерт в пользу петербургских детских приютов в большом зале Сестрорецкого дворца. Покатили туда. О билетах нечего было и думать. Их обычно раскупали задолго до концерта втридорога, а то и ещё дороже.

Единственный человек, который мог им обеспечить хорошие места в одной из верхних лож, был Бискупский. Вначале друзья вошли в переполненное нарядной публикой огромное фойе и медленно двинулись вглубь, внимательно всматриваясь в мужские лица. Пестрели гусарские, гренадёрские, артиллерийские мундиры. Заметили и нескольких конногвардейцев, но Бискупского среди них тоже не оказалось.

«Он должен быть на площадке перед входом вместе со своим ординарцем, которого он пойдёт к ней с цветами прямо к экипажу. Как же я не догадался сразу», — подумал Эксан и тут же потянул за локоть Тапу, оба двинулись к выходу.

— Ты куда меня тащишь? — не понял Чермоев.

— Давай поспешай, сейчас скажу. Я знаю, где он наверняка должен быть, — добавил Эксан на ходу, продолжая внимательно всматриваться в лица толпящихся на площади, прилегающей к дворцу. — А вон и он, — сообщил Эксан, стрелнув глазами вправо, — они двинулись туда.

Тихо подошли сзади к Бискупскому, стоявшему в первых рядах встречающих Вяльцеву. Рядом с ним стоял его ординарец с корзиной алых роз. Эксан наклонился к уху конногвардейца и тихо произнёс:

— Здравия желаю, Василий Викторович!

Тот мгновенно обернулся и просиял:

— Эксан, дружище! Откуда ты?

— Я не один, со мной мой дядя. Познакомьтесь.

Тапа при этих словах сделал шаг вперёд, слегка щёлкнув каблуками, представился:

— Поручик Тапа Чермоев!

— Капитан Василий Бискупский, — представился жених Анастасии и тут же спросил: — Вы действительно дядя Эксана?

Тапа понимающе улыбнулся:

— Я старше племянника всего лишь на один год...

Бискупский крепко пожал ему руку:

— Ну, тогда всё понятно. Вы уж извините меня...

Тем временем послышался звон подков подъезжающего экипажа, и Эксан быстро прикинул в уме ход дальнейших действий.

— Василий Викторович, я полагаю, будет разумнее, если ваш роскошный букет поднесёт боевой товарищ из генштаба, то есть я. Ваш ординарец не обидится, надеюсь, так как ему часто выпадает такое счастье. Вы же по-прежнему сохраняете инкогнито?

— Это было бы здорово, — согласился Бискупский.

— Евлампий, — обратился он к ординарцу, — передай поручику цветы.

Анастасия, восседавшая, как королева, на роскошном сиденье экипажа, издали всмат-

ривалась в толпу своих обожателей, и её интересовало среди них только одно лицо. Публика восторженно зааплодировала. Слышались крики: «Браво, Анастасия! Браво, несравненная!» Кто-то кинулся вслед экипажу и сорвал с неё накинутый на плечи лёгкий шарф, который тут же десятки рук разорвали на куски и расхватили на память.

Зная, что Бискупский не будет прятаться в толпе, а встанет непременно в первом ряду живого коридора, Анастасия пробежалась взглядом по обеим сторонам, и тут же её взор выделил из этого пышного многоцветья знакомый до боли конногвардейский мундир любимого.

Когда экипаж поравнялся с Бискупским, она заметила, как Евлампий передаёт цветы представителю офицеру-генштабисту, лицо которого показалось ей очень знакомым. А тот, резко отделившись от товарищей, шагнул к дверце её экипажа и передал ей букет со словами:

— Мы по-прежнему любим и восторгаемся вами, милейшая Анастасия Дмитриевна!

Когда он произносил эти слова, она неотрывно смотрела на Бискупского и знала, что эти слова звучат от его имени. Певица отвела взор от любимого, одарив Эксана тёплой родственной улыбкой, слегка наклонилась к нему и тихо прошептала:

— Я рада, что и вы здесь, Эксан. Не уходите после концерта. Будем ужинать у меня.

— Хорошо, — ответил он так же тихо, и экипаж проследовал дальше по усыпанной лепестками роз дорожке.

Когда он вернулся на место, Бискупский незаметно для других крепко пожал ему руку:

— Всё получилось как нельзя хорошо. Что она сказала?

— Просила нас не уходить после концерта. Сказала, что ужинать будем вместе.

— Прекрасно, — воскликнул капитан, — значит, поедем на вокзал!

— Что так? Анастасия Дмитриевна уезжает на гастроли? — спросил Тапа.

Лицо Бискупского приняло заговорщицкое выражение:

— Позвольте пока не отвечать, — сказал он как можно мягче, чтоб не обидеть Чермоева.

Тапа недоумённо пожал плечами:

— Как вам будет угодно.

Настроение капитана заметно поднялось. Как он того и желал, его присутствие для публики осталось почти незамеченным. Зато Эксану позавидовали многие. Ведь она одарила его очаровательной улыбкой и даже что-то сказала при этом.

Оставив публику перешёптываться, офицеры проследовали в зал. На ходу Бискупский сообщил, что его сослуживцы из конногвардейского полка, которые должны были быть с ним сегодня здесь, не смогли приехать на концерт из-за непредусмотренного дежурства и те несколько мест в гостевой ложе, которые он закупил загодя, были теперь в их распоряжении.

Офицеры удобно расположились в ложе, вооружились театральными биноклями и стали ждать открытия занавеса. Чермоев тем временем незаметно окинул изучающим взглядом боевого товарища Эксана.

Василий Викторович больше походил на прусского немца, чем на южного славянина. Видимо, в его жилах больше было немецкой, нежели польской или русской крови. Умные карие глаза, обрамлённые дугами мягких тёмных бровей, правильной формы нос с едва заметной горбинкой в середине, широкий волевой подбородок и матовая кожа продолговатого лица над крепкой мускулистой шеей делали его похожим на скандинавских викингов.

На широкогрудой, ладно сбитой фигуре конногвардейская форма смотрелась очень эффектно. «Немудрено, что именно такому молодцу суждено было завладеть умом и сердцем этой всеобщей любимицы», — подумал Тапа.

В этот момент слегка качнулся занавес и в увеличивающемся его проёме появилась строгая фигура конферансье, облачённая в чёрный фрак. Лихо крутанув ус, он надменно взглянул в зал, изучая общий настрой публики, переждал паузу и в моментально наступившей тишине торжественно изрёк:

— Несравненная Анастасия Вяльцева!

Зал взорвался бурными аплодисментами.

В это время две бархатные половины полностью отошли в стороны, и зал, наэлектризованный трепетным ожиданием, взревел от восторга, когда на середину красочно оформленной сцены прошла любимица петербургской публики.

Как умная женщина, обладавшая отменным

вкусом, она с первых шагов на большую сцену правильно угадала свой сценический образ. В одежде предпочитала белые и светлые тона. И на этот раз она была одета в белое шёлковое платье, отделанное розовым тюлем: на плече — ветка белой гортензии, а лиф усыпан бриллиантами, рубинами, сапфирами и жемчугами. Её прекрасно-му лицу с атласной матовой кожей, стилизованной природой под древнегреческих камей, придавала ещё большую античность круговая корона густых светло-каштановых волос, собранных наверху в незаметный узел.

Бискупский склонился к уху Чермоева и шёпотом пояснил:

— Настя — большой психолог. Прежде чем составить свой репертуар, она долго изучала капризы публики, её предпочтения, пристрастия... Сейчас, как ты знаешь, все увлечены романами. Она сумела подобрать свой романсный букет в таком разноцветье душевных эмоций, что курс её певческого «лечения», к тому же облагороженного проникновенными стихами, возвращает к жизни многие разбитые сердца и помогает справиться с потерей любой надежды. Именно романы и принесли ей звание «Несравненной». Впрочем, давайте слушать.

Когда в 1904 году начался грамофонный бум, его эхо прокатилось и по войсковым казармам. На полковых праздниках и офицерских пикниках Чермоеву и его сослуживцам не раз доводилось слушать грамофонные записи песен и романсов в исполнении Вяльцевой. Её звонкое меццо-сопрано, казалось ему, мало чем отличается от голоса Варвары Паниной или Надежды Плевицкой. Но здесь в эти минуты, видя, как завораживает всех её внешнее величие и как услаждают слух опьяняющие звуки, слетающие с её малиновых губ, Тапа открыл для себя главный секрет: оказывается, для того, чтобы ощутить необыкновенность Анастасии, её нужно не только слушать, но и видеть. Сияющая улыбка, оригинальный тембр голоса, таивший «странный наркотический аромат», утверждали радость жизни, забвение горестей и мучительных проблем.

В этот вечер вдохновлённая присутствием Бискупского и его симпатичных гостей, «Несравненная» была фантастически прекрасна. Чуткий слух поклонников её таланта был обласкан романами «Под чарующей лаской твоею», «Я вас

ждала», «Захочу — полюблю», «Гай-да трока» и другими прелестными вещами.

Когда, допев всё, что было положено по программе, Анастасия ушла за кулисы, в зале началось что-то невообразимое. Со всех сторон раздавалось: «Браво!», «Бис!» Зал дошёл до исступления, боясь, что она уйдёт.

Сидевшие в первых рядах знатные дворяне, генералы и старшие офицеры требовали от полицейских, чтоб те навели порядок, но гул, свист, крики не смолкали, и тогда она опять выпорхнула на сцену и стала петь.

Концерт затянулся допоздна. Певицу без конца вызывали на бис, просили повторить, и она без капризов с доброй улыбкой шла навстречу — и пела, пела, пела...

Перед завершением концерта Бискупский тихо встал и, что-то шепнув Эксану на ухо, покинул ложу. Тапа посмотрел на племянника, спрашивая глазами: «В чём дело?»

Тот приблизился и сообщил:

— Мы приглашены домой.

— К Вяльцевой? — удивлённо спросил Тапа.

Эксан утвердительно качнул головой, затем добавил:

— Василий Викторович попросил, чтоб мы поехали с ней в одном экипаже и привезли её на вокзал... Он сам уехал организовывать там всё к нашему приезду.

Оторвать певицу от публики оказалось делом непростым, но они справились, хоть и пришлось мобилизовать всё терпение и самообладание, чтобы держать на достаточном расстоянии некоторых безумцев, рвавшихся к ней излить свои чувства.

Когда Вяльцева вместе со своими кавказскими опекунами подъехала к привокзальной площади, там их уже поджидал ординарец Бискупского, который взял у певицы сумочку, коробки с парфюмерией, её пелерину и повёл их в обход главного здания вокзала на дальнюю платформу, где стояли отцепленные от поезда несколько вагонов. На площадке одного из них, освещённого внутри ярким светом, стоял капитан Бискупский. Он помог Анастасии подняться в тамбур и пригласил в вагон остальных.

Это был тот знаменитый вагон-салон, в котором она разъезжала с концертами по всей России. Чермоев был наслышан о нём, но его

представления даже о самом комфортабельном вагоне не шли в сравнение с тем, что предстало здесь перед его глазами. Это был её собственный дом на колёсах, построенный в Бельгии и сконструированный по вкусу самой певицы. Стены вагона отделаны карельской берёзой в стиле ампира. Внутри вагон был оформлен и обставлен с царской роскошью. Там же находился её будуар, содержалась прислуга, личный повар, имелась столовая, а также помещения для гостей и концертмейстера. Но более всего Чермоева поразил музыкальный салон, в котором красовалось фортепиано, отливающее лаковым блеском на красном дереве. Такой вагон в России был ещё только у императрицы Александры Федоровны, супруги Николая II.

Проведя беглую экскурсию по своим владениям на колёсах, Анастасия стащила с рук перчатки, сняла шляпу и, отдав всё это горничной, следовавшей за ней по пятам, прошла вместе со всеми в гостевое помещение, не присаживаясь, обратилась к гостям:

— Я, с вашего позволения, господа, быстро приду, отдохну немного, и весь вечер будет наш. Василий Викторович, надеюсь, не даст вам скучать, — с этими словами она удалилась к себе.

Мужчины присели кому где удобнее. Бискупский поблагодарил офицеров за сегодняшнее опеку над Анастасией Дмитриевной и обратился к Эксану:

— Мы с тобой давно не виделись. Много раз хотелось выдернуть тебя из аудиторий академии и прошвырнуться по Петербургу, но как-то не получалось. В академии всё, надеюсь, нормально? Ты же у нас будущий генерал. Меня после Николаевки, честно говоря, не хватило на дальнейшую учёбу. Доползу до полковника и подам в отставку. Если мне не позволяют оформить брак с Анастасией, не нужна мне и военная карьера...

Такая самоотверженность и искренность в его отношениях с любимой женщиной тронули Чермоева. Вращаясь уже не первый год в гвардейской среде, Тапа хорошо знал амурную «стратегию» военной элиты по отношению к прекрасному полу невысшего сословия: «поматросить и бросить». Хотя он и сам не был лишён здоровых мужских инстинктов и к дамам имел такую же природную тягу, как и все нормальные люди его пола, но внутренний

нравственный стержень, заложенный домашним воспитанием, не позволял ему опускаться до печоринской чёрствости и эгоизма по отношению к ним. Это здоровое мужское начало он почувствовал и в Бискупском.

— Так как у тебя дела в академии? — повторил капитан свой вопрос, адресованный Алиеву.

— Не без шероховатостей, но, думаю, завершу учёбу по первому разряду.

— А что за шероховатости?

Для Эксана это была большая тема, и он не хотел углубляться в неё, но в голосе боевого товарища чувствовался искренний интерес.

— Да всё началось с уходом из академии профессора Николая Петровича Михневича, генерал-лейтенанта, преподававшего нам стратегию. На его место привели полковника Незнамова, по своим знаниям и учёности полностью соответствующего своей фамилии. Он усердно стал вдавливать нам устаревшие «Основы современной стратегии и тактики» немецкого горе-теоретика Шлихтинга. Современностью там, конечно, и не пахнет.

— Это не тот Незнамов, который всю войну проболтался у нас в войсковых штабах в Маньчжурии? — тут же спросил Бискупский

— Он самый, — подтвердил Эксан.

— Я знаю этого типа. Ничтожество ещё то! — воскликнул капитан. — Но ты будь с ним поосторожней. От такой канальи можно ожидать чего угодно. Он там и генералу Эдуарду Экку попортил немало крови своими тайными донесениями в штаб Куропаткина.

— Курите, пожалуйста, — предложил он, подвигая к гостям коробку сигар.

— Увы, этим зельем не балуюсь, — ответил Тапа.

Тогда Бискупский взглянул на Эксана. Тот густо покраснел. Капитан хлопнул себя по коленке и рассмеялся, вспомнив, что кавказцы в присутствии старших родственников не курят и не пьют.

— Пардон! Я и забыл, что Эксан не курит, — сказал он, исправляя свою оплошность, а сам при этом еле сдержал улыбку. В его памяти ещё были свежи воспоминания о том, как, исчерпав запас сухарей и курева в окопах под Бенсиху, они с жадностью потягивали самокрутки из листьев китайского табака.

Затем, уже обращаясь к Чермоеву, он продолжил:

— Мы прослужили вместе с вашим племянником всего лишь год. Но какой это был тяжёлый год! Победы перемежались с поражениями, удачи — с неудачами. У всего фронта был тогда на слуху подвиг отца Эксана и вашего зятя генерала Эрисхана Алиева. Он принял на себя командование нашей армейской группировкой во время болезни генерала Экка, остановивший наступавших по всему фронту японцев на сопке Ключевой и отбросил их назад.

— Геройской смертью пал под Мукденом его младший брат и дядя Эксана — подьесаул Магомед Алиев, — добавил Тапа.

— Мой боевой товарищ, ваш племянник, тоже был там под стать им и свой воинский долг на войне исполнил блестяще, за что я его уважаю и люблю.

На некоторое время наступила тишина. Первым её нарушил капитан.

— Но что мы всё о нас с ним! С конвойцами я мало имел дел. Вы первый из них, с кем мне пришлось близко общаться. Но меня не столько интересует служба близ государя-императора, сколько другая сфера ваших интересов.

Чермоев, поначалу не зная, к чему он клонит, немного напрягся.

— Я достаточно наслышан, Тапа Орцуевич, о нефтяном буме, охватившем сейчас Грозный и его окрестности. Ваша семья вовремя и энергично включилась в этот бизнес и, по всей вероятности, имеет хорошие перспективы в этом деле. Не так ли?

— Да, действительно, это так, — подтвердил конвонец и стал ждать дальнейшего хода его мыслей.

Бискупский продолжил:

— У меня возникла дерзкая идея создать акционерное общество и организовать поиски нефтяных месторождений. Но это пока идея... Что вы скажете по этому поводу?

Чермоев призадумался и, немного поразмыслив, заметил:

— Если мне не изменяет память, вы из северо-восточной Сибири.

— Совершенно верно, я из Томска, — уточнил Бискупский.

— Насколько мне известно, на этот счет Рус-

ское географическое общество не даёт каких-либо прогнозов относительно ваших мест, хотя, возможно, в этих областях могут быть залежи нефти. Но в суровых условиях вашего края и на полумёрзлых землях добыча её будет вдвое дороже и сложнее, чем в других местах.

— Тут вы правы, — согласился Бискупский, — но эта идея настолько втемяшилась мне в голову, что я уже не в силах отмахнуться от неё.

Видя, что настроение хозяина заметно упало, Тапа решил поддержать его:

— Во время войны вы имели возможность хорошо ознакомиться с Дальним Востоком, не правда ли? — начал он. — И, конечно, слышали сказания, легенды и поверья о якобы несметных богатствах, таящихся в недрах тамошних земель. Отчего бы не попытаться счастья там?

— Ваш совет заманчив и привлекателен. Я и сам склонялся к дальневосточному варианту.

— Ну вот, видите, птенцы гнезда «Славной школы» мыслят, оказывается, в унисон, — пошутил Тапа.

— Я, наверное, приступлю к этой работе, как только окончательно избавлюсь от последствий фронтовых ранений, с которыми у меня пока остаются некоторые проблемы.

— Здоровье, конечно, важнее всего, — поддержал его Чермоев. — Восстановите свои силы и принимайтесь за дело. Удача любит смелых и дерзких, а вы, я не сомневаюсь, из этого десятка.

Бискупский положил свою ладонь на руку Чермоева.

— Спасибо, поручик, вы вселили в меня уверенность.

В это время вошла Анастасия Дмитриевна и кокетливо повернулась на месте в полный оборот.

— Ну как я? — воскликнула она, посвежевшая и разрумившаяся после душа.

— Блеск! — воскликнул Бискупский. — И кто скажет, что моя ласточка трудилась на сцене почти пять часов кряду!

Присев напротив гостей, она накинула ногу на ногу, поправила шлейф своего длинного платья и открыла коробку конфет, принесённую с собой.

— Я надеюсь, господа, о нашей сегодняшней встрече здесь будем знать только мы четверо и более никто, — произнесла она, с обворожи-

тельной улыбкой освобождая шоколадный батончик от золотистой обёртки.

Чермоев сразу же взглянул на горничную, которая наполняла в это время графин гранатовым соком. Вяльцева поймала его взгляд и тут же добавила:

— Они в этом вопросе бессловеснее и надёжнее даже этого стола, за которым мы сидим. Я им хорошо плачу за это. Думаю, что вам, офицерам гвардии, нет необходимости объяснять пикантность данного обстоятельства. С Василием Викторовичем мы находимся в супружеских отношениях, но неофициально. Стань об этом известно обществу — и его дальнейшая служба в гвардии станет невозможной. А вне военной сферы он себя не мыслит.

— Я потрясён вашей обоюдной выдержкой и хладнокровием, которые вы проявляете при людях. Вам удаётся то, что не под силу даже опытным разведчикам, — восхитился Тапа.

Анастасия грустно усмехнулась:

— Хотя вы и недалеко от истины, поручик, но, как говорится, сколь верёвочке не виться, а всё равно будет конец... Впрочем, я не хочу даже думать об этом. Одному Богу известно, что нам готовит день грядущий. Василий — моя единственная любовь. Он мне дорог не только своим чутким и добрым сердцем, но и рыцарской душой, и этой душе я знаю цену — она неизмеримо высока.

Тем временем капитан откупорил бутылку шампанского и, когда пробка с сухим треском ударилась в потолок, тут же разлил пенящуюся влагу винного янтаря по хрустальным бокалам.

Тапа не мешкая поднял свой бокал и торжественно произнёс:

— Вы удивительная, Анастасия Дмитриевна. Бог соединил вас с достойным такой женщины человеком. Подобной милости судьба удостоивает только одного из многих тысяч. Значит, Всевышний любит вас. Я хочу поднять этот бокал за вечность и нерушимость вашего союза.

Чермоев почувствовал, что внутреннее напряжение, которое он поначалу испытывал в обществе Вяльцевой и её мужа, постепенно спадает и возникает такое чувство, как будто он знает их очень давно.

Эксан, в отличие от него, с самого начала вёл себя свободно и раскованно, так как их

связывали общие воспоминания о войне и днях, проведённых в харбинском госпитале.

Когда речь зашла об отработанном Вяльцевой концерте, Эксан заметил:

— Вам не кажется, Василий Викторович, что Анастасия Дмитриевна совсем не бережёт себя. Публика, как вы знаете, бывает безжалостна к предмету своего обожания.

— Что, опять не хотели отпустить? — спросил тут же Бискупский.

— В том-то и дело, — продолжил Тапа, — но ваша супруга, проявляя чрезмерную совестливость, после исполнения каждой вещи выходила на повтор и фактически спела свой сольный концерт дважды.

Вяльцева, с виноватой улыбкой склонив голову, смущённо теребила бахрому скатерти.

Бискупский укоряюще смотрел на неё, но она не поднимала глаз.

Мысли Чермоева продолжил Эксан:

— Тапа Орцуевич прав, уважаемая Анастасия Дмитриевна. Поймите: публика — тиран ненасытный. Этот зверь однажды разорвёт вас.

— Но вы, господа, поймите и меня, — попыталась она оправдаться, — я ведь слуга своей публики. Они пришли меня послушать, заплатили деньги. И я вынуждена петь столько, сколько они попросят.

Капитан повернулся к гостям и молча пожал плечами, как бы говоря: «Вот и убедили». Затем укоризненно произнёс:

— Какими только эпитетами они не балуют её. Она и «несравненная», она и «божественная Эвридика...».

Анастасия при этих словах встрепенулась и шутливо произнесла:

— Первое мне нравится, а вот Эвридикой я бы не хотела быть. Их любовь с фракийским певцом Орфеем была слишком недолговечной. И его мучительные попытки вернуть её к жизни из небытия не увенчались успехом. Мне видится наше счастье с Василием долгим и безоблачным.

Тапа был не в курсе печальной истории любви этих античных героев и потому промолчал. Эксан же воскликнул:

— Милая Анастасия Дмитриевна, конечно же, вы не повторите судьбу несчастной Эвридики, и Василию Викторовичу не придётся никогда вымаливать вас у богов!

Чтобы сгладить грусть этого момента, он постарался перевести разговор на другие темы. Горничная тем временем спешно выкладывала на стол еду, закуски, фрукты.

— Газеты пишут, что в нынешнем 1907 году флаг Соединённых Штатов Америки пополнится сорок шестой звездой, — сообщил Эксан.

— И как же она будет называться? — поинтересовался Бискупский.

— Оклахома, — опередил племянника Чермоев.

— Американцы — народ предприимчивый, — заметил Бискупский, — но и мы не спим на мировых просторах. Взять хотя бы договор между Россией и Японией о разделе сфер влияния в северо-восточном Китае. Говорят также о предстоящей скоро встрече кайзера Вильгельма II и нашего государя императора в Свинемюнде для обсуждения вопроса строительства Багдадской железной дороги.

— Мне все-таки кажется, что наши позиции на Ближнем Востоке и в Передней Азии не столь крепки и перспективны, как на дальневосточных рубежах, — заметил Чермоев. — Свою победу в минувшей войне японцы расценивают хуже поражения. Из-за твёрдости и неуступчивости, проявленных нашим государём в переговорах о мире, все их приобретения свелись почти к нулю. И поэтому они не будут вести с нами двойную игру. А вот с кайзером тут посложнее. Это хитрая бестия. Багдадская железная дорога — горький пряник, предложенный им Абдул-Хамиду II за финансовое закабаление его страны.

— Вы считаете, что России ничего не перепадёт от этого пирога? — спросил капитан.

— Вы правильно поняли мою мысль, Василий Викторович. Немцы умеют считать деньги в отличие от нас. Каждая рейхсмарка, вложенная ими в это дело, окупится тройне. Конечно, частные акционерные вложения российских предпринимателей, возможно, вернутся, пусть и не с прибылью, но вот государственная доля вложений может остаться без возврата.

— Но почему? — воскликнула Анастасия, пытавшаяся вникнуть в суть малопонятных ей рассуждений мужчин.

— Потому что Англия никогда не переставала рассматривать Ближний Восток как зону своих политических интересов, и она не до-

пустит, чтобы в контроле над черноморскими проливами Россия имела право решающего голоса. Она, как и прежде, найдёт повод столкнуть нас с Турцией или — ещё хуже — с Германией.

— Всё, всё, всё! — отрезала Анастасия. — Я завтра отъезжаю в Москву по приглашению городского Дворянского собрания, поэтому не хочу загружать свою голову политикой. К тому же я не люблю политику и очень голодна. Ужин стынет! За дело, господа!

Начали с андалузского супа, за ним пошло соте из гусиных почек с шампиньонами, а поданный фромаж из рябчиков недолго лоснился на мейсенских тарелках. Всё было настолько соблазнительно и вкусно, что никто особо не старался соблюдать некоторые мелочи застольного этикета.

Когда Анастасия подала знак горничной и та кинулась раскладывать филе а-ля Годар с котлетами, взгляды гостей, устремлённые на хозяйку, уже молили о пощаде.

Вся эта обильная пища была по ходу достаточно залита легким французским «Бордо». Эксан для поддержания компании слегка пригублял его, но тут же брался за свой гранатовый сок.

Когда дело дошло до фруктов и десерта, Вальцева оторвала от виноградной кисти одну ягоду, кокетливо отправила её в рот, сопроводив парой глотков гранатового сока, затем встала и, обращаясь к гостям, произнесла:

— Господа, я хочу, чтобы этот вечер в моём четырёхколёсном гнёздышке долго оставался в вашей памяти. Друзья Василия — это и мои друзья. Поэтому я хочу преподнести вам мой песенный подарок. На концерте он предназначался для всех, а здесь он будет лично для вас.

С этими словами она подошла к фортепиано, стоявшему в правом углу у окошка, с царственной осанкой присела на круглый стульчик и откинула крышку инструмента. Горничная тем временем успела подскочить к ней и аккуратно подобрать длинный шлейф платья. Белые изящные пальцы певицы лихо прошлись по всему ряду клавиатуры, и полились начальные аккорды романса «В лунном сиянии». Анастасия слегка откинула назад голову, опустила длинный веер ресниц на глаза и запела:

*В лунном сиянии снег серебрится,
Вдоль по дороженьке троечка мчится.
День-день-день, день-день-день —*

колокольчик звенит,

Этот звук, этот звон о любви говорит...

Затем с небольшим перерывом она спела романсы: «Я степей и воли дочь», «Побудь со мной» и ещё несколько вещей по своему вкусу.

Тапа и Эксан засиделись в доме этой замечательной пары почти до полуночи. В беседах, шутках и спорах время пролетело как миг. Тут налицо был редкий случай, когда счастливые обстоятельства сводят вместе интеллектуально богатых людей, чьи интересы и взгляды находят благодатную почву для полного взаимопонимания и удовлетворенности друг другом.

Прощаясь с ними на площадке перед вагоном, Чермоев поцеловал протянутую на прощание руку хозяйки и с волнением в голосе произнёс:

— Я буду помнить этот вечер всю мою жизнь.

И, действительно, много лет спустя, через двадцать лет, прожитых на чужбине, объездив города и страны Европы в поездах ли, на автомобилях ли или конных экипажах, через

стук железных колёс, шуршание лимузинных шин и цоканье конских копыт в его усталую душу всегда возвращались печальная сладость вяльцевского голоса и незабываемые картины петербургских зим, так мило и точно выраженные в словах его любимого романа: «В лунном сиянии снег серебрится...»

А желаемое предсказание Эксана и надежды самой королевы русского романса, высказанные на той памятной встрече, к сожалению, не оправдались. Она так же, как и прекрасная Эвридика, рано покинула своего любимого, прожив всего лишь 42 года и находясь на вершине своей славы и популярности.

Эксану не суждено было достичь своего пика, как его однокашнику маршалу Шапошникову, но солидное генеральство в любом случае не обошло бы его, проживи он хотя бы столько, сколько прекрасная петербургская Эвридика. А судьба отпустила ему до обидного мало — лишь 25 лет.

□

Ибрагим ДЖАБИРОВ

Журналист, писатель, художник, сценарист.

*Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
заслуженный журналист ЧР, почетный гражданин г. Грозный.*

*Главный редактор журнала «Вестник судебной власти» (ЧР),
ветеран боевых действий.*

Автор книг: «Родные силуэты» (2011), «Голоса из былого» (2013),

«Генерал Алиев», «За стеной Кавказа» (2014),

«Представшее на расстоянии»,

«Тропой исторической памяти» (2016).

*Лауреат ряда региональных и всероссийских премий
по литературе и искусству.*

Член Союза писателей и СЖ России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

